

Отечественные записки

ТОМ
1 (52)

КРИЗИС РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Феноменология «архаического синдрома» • Закат секулярности

Атака креационизма • Странная история русской духовности

Научная контрреволюция

•
Хлеб наш насущный: семейные истории о советской еде

Авторы номера:

Алексей Аполлонов
Константин Банников
Дмитрий Баюк
Дж. Мерфи Донован
Борис Жуков
Дмитрий Исаев
Александр Кырлежев
Виталий Куренной
Владимир Малахов
Александр Панченко
Юлия Синелина
Александр Рубцов
Дмитрий Узланер
Татьяна Черниговская
Татьяна Чумакова
и другие

В следующих номерах:

Человек защищающийся
Рельсы России
Высшая школа в свободном падении

Гражданская беззащитность • Беспредел и пределы необходимой обороны
Враги и угрозы

РЖД: гигант с перспективой роста • В ожидании спроса
Плоды чужого технического прогресса • Ослабление тарифной улавки

Конечная цель бесконечной реформы • Меньше студентов хороших и разных
Критерии эффективности

ISSN 1683-5581

9 771683 558003 >

УЧРЕДИТЕЛИ
Высшая школа экономики,
Фонд «Отечественные записки»
ISSN 1683-5581
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
20019 в Каталоге агентства
«Роспечать» Газеты. Журналы
1-2013
КОД ИЗДАНИЯ
5704 в Каталоге «Интерпочта»

Отечественные записки

ЖУРНАЛ ДЛЯ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

Выходит с декабря 2001 года

№ 1 (52) 2013

АДРЕС РЕДАКЦИИ
Москва, 101000,
ул. Мясницкая, д. 20, к. 516
тел. +7 (495) 755-6936
факс +7 (495) 755-6937
www.strana-oz.ru
E-mail: text@ozfoundation.ru

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
Вячеслав Аминов (председатель)
Александр Клячин
Симон Кордонский
Ярослав Кузьминов
Александр Ослон
Вадим Радаев

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Татьяна Малкина

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Галина Скрыбина

ШЕФ-РЕДАКТОР
Никита Соколов

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ
Галина Козлова
Елена Пенская

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
СЕКРЕТАРЬ
Екатерина Габриэлова

РЕДАКТОРЫ
Валентина Быкова
Дмитрий Карцев
Лада Муравьева
Михаил Никольский
Александр Щербаков

КОРРЕКТОР
Вера Киниша

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ
Антон Дьяченко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Симон Кордонский
Виталий Лейбин
Александр Ослон
Вадим Радаев
Кирилл Рогов
Алена Солнцева
Григорий Томчин

МАКЕТ
Валерий Коршунов

ВЕРСТКА
Жанна Иванова

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47567 от 02.12.2011

Редакция благодарит
за экспертную поддержку
Фонд Егора Гайдара

© Фонд «Отечественные записки», 2013

КРИЗИС РАЦИОНАЛЬНОСТИ

От редакции 6

ДИАГНОСТИКА

Дмитрий Баюк
Научная контрреволюция наших дней 8

Борис Жуков
Тучи креационизма 28

Александр Рубцов
«Расцвет и упадок»
кризиса рациональности 37

Константин Банников
Архаический синдром.
О современности вневременного 58

Виталий Куренной
Иррациональная сторона рационального 70

Чарльз Мэтьюз
Эволюция религии. *Книжный обзор* 79

Ханс Йоас, Роберт Белла
Ген веры. *Беседа* 86

ЗИГЗАГИ ПРОГРЕССА

Михаил Гельфанд, Борис Жуков
Со страхом и упреком. *Беседа* 95

Дмитрий Исаев
Демонизированная гомосексуальность 103

Татьяна Черниговская
Это не я — это мой мозг... 116

Дмитрий Баюк, Симон Кордонский,
Алексей Муравьев
Вера в религии и науке. *Беседа* 128

Дж. Мерфи Донован
Закат разума 143

Алексей Кузнецов
Три битых ставки Михаила Магницкого 155

ЗАКАТ СЕКУЛЯРНОСТИ

- Александр Кырлежев*
Секуляризм и постсекуляризм
в России и в мире 161
- Дмитрий Узланер*
Картография постсекулярного 175
- Алексей Аполлонов*
Россия пострелигиозная 193
- Протоиерей Георгий Митрофанов*
Мы живем в эпоху имитаций. *Интервью* 204
- Александр Панченко*
О пользе святотатства,
или Pussy Riot глазами антрополога 217
- Татьяна Чумакова*
Новое русское средневековье 228
- Юлия Синелина*
Религиозность в современной России 243
- Александр Антонов*
Я слышу подземный гул... *Интервью* 256
- Религиозная культура и светская этика в школе.
Круглый стол 266

ИСЛАМСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

- Владимир Малахов*
Грозит ли Европе исламизация? 281
- Алексей Малащенко*
Религию невозможно отделить от политики 302

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Алексей Муравьев*
Старообрядческие гари как феномен
(Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев
в России в XVII—XIX вв.) 311
- Василий Костырко*
Сон патриотического разума,
или Ускользящее единение
(Шнирельман В. А. Русское родноверие:
неоязычество и национализм в современной России) 315
- Алексей Семихатов*
Грандиозный, вероятно, замысел
(Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел) 319
- Василий Костырко*
Хоббиты среднего звена, или Управляемый эскапизм
(Писаревская Д. Б. Субкультура ролевых игр
в современном обществе) 325

СТРАНА ОЗ

<i>Анна Кимерлинг</i> «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных»	326
<i>Александра Катеман</i> Хлеб наш насущный	335
ОБ АВТОРАХ	344
SUMMARY	348

В оформлении журнала использованы иллюстрации из книг:

- Демьян Бедный. Отцы духовные, их помыслы греховные. Государственное издательство, 1922
- Демьян Бедный. Про многотрудное житие отца Ипата. М.: Издательство «Красная новь», Главполитпросвет, 1923
- Демьян Бедный. О Василии Великом, литургисающем. Москва, Петроград: Сатирическое издательство «Крокодил» «При Рабочей Газете», 1923
- Б. И. Дунаевъ. Библиотека старорусскихъ повѣстей. Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1914
- Антирелигиозник. Ежемесячный научно-методический журнал. № 3. Март. Акц. издательское о-во «Безбожник». Москва, 1929
- Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Июль-Август. Типографія «Сириусъ». Петроградъ. 1915
- Icones Biblicae Veteris et Novi Testamenti. Soli deo Gloria. Finis, 1680
- Ausfuhrliche Geschichte aller geistlichen und weltlichen Kloster und Ritterorden. Leipzig. 1754
- Erotopaegnon, sive Priapeia veterum et recentiorum. Patris, 1798
- Monographien fuer deutschen Kulturgeschichte. Band 7. Leipzig. 1900
- Men: A Pictorial Archive from Nineteenth-Century Sources. Dover Publications, Inc., 1980
- Балдаев Д.С. Татуировки заключенных. Санкт-Петербург, 2001

Журнал можно приобрести:

- Книжный магазин «Фаланстер»
Москва, Малый Гнезниковский переулок, д. 12/27
Телефон: +7 (495) 749-5721
- Книжный магазин «Фаланстер на ВИНЗАВОДЕ»
Москва, 4-й Сыромятнинский переулок, д. 1
Телефон: +7 (495) 926-3042
- Книжный магазин «Циолковский»
Москва, Новая площадь, д. 3/4, подъезд 7д (в здании Политехнического музея, ст. метро «Лубянка», «Китай-город»)
Телефон: +7 (495) 628-6442
- Книжный магазин «Москва» на Тверской
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1
Телефон: +7 (495) 629-6483, 797-8717
- Книжный магазин «БукВышка»
Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Телефон: +7 (495) 621-4966, 628-2960
- The Russian Bookshop — Waterstones Piccadilly
30 Jermyn Street, London, SW1Y 6WW
203—206 Piccadilly, London, Greater London W1J 9HD
Телефон: +44 (207) 851-2483

Виталий Куренной

ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА РАЦИОНАЛЬНОГО

Одна из главных загадок нашего времени — почему не снижается спрос на иррациональное? Этот вопрос является тем более актуальным, чем более настойчивым становится процесс модернизации нашего существования. Разумеется, процесс модернизации неоднороден и разворачивается в самых разных направлениях — с неравной скоростью и с возможностью обращения вспять (история постсоветской России — наглядный тому пример). Но в целом вряд ли мы ошибаемся, утверждая: процесс рационализации нашего мира — как прежде, так и сейчас — идет весьма активно. Рассмотрим некоторые индикаторы этого процесса — чтобы не быть голословными.

Согласно прогнозам российский рынок автомобилей в 2014 году выйдет на первое место в Европе, обогнав Германию. Уже сегодня он в отдельные месяцы вырывается вперед, как это было в августе 2012 года. По численности автомобилей на душу населения (250 на 1000 человек) Россия, находящаяся между такой развитой страной, как Германия (515), и азиатскими экономическими гигантами Индией и Китаем (11 и 49 соответственно), быстро приближается к лидерам¹.

Не менее впечатляют и темпы роста числа пользователей Интернета в стране. Согласно некоторым прогнозам к 2014 году их будет около 80 млн человек (против нынешних 60 млн), что выдвинет Россию по показателю компьютеризации далеко вперед по отношению к другим странам БРИК².

Каковы бы ни были причины этого бума и обеспечивающие его источники платежеспособного спроса, данные индикаторы совершенно ясно указывают на то, что жизнь наших сограждан стремительно модернизируется в смысле насыщения ее современной техникой³. В особенности это относится к росту числа автомобилей — базового символа модерна последнего столетия. Именно автомобилизация — один из самых главных факторов, определяющих развитие инфраструктуры в современном обществе — от дорожной сети и планировки городов с их стремительно разрастающимися пригородами до финансово-кредитной системы. В нашей конкретной исторической перспективе это, между прочим, означает также реализацию едва ли не главной цели советской модернизации, проговариваемой лозунгом «Догнать и перегнать Америку!». Ведь Америка здесь и есть символическое олицетворение культуры, в которой автомобиль становится заурядным предметом повседневной практики.

¹ *Kramer A. E. Russia's Desire for Cars Grows, and Foreign Makers: Take Notice // The New York Times. 25.12.2012.*

² *Booz&Co: число пользователей Интернета в России к 2014 году составит 80 млн человек // РИА «Новости». 30.07.2012.*

³ Этот процесс имеет множество поведенческих следствий, в частности рост и усложнение персональных компетенций. Если посмотреть на возможности нашего настольного компьютера, то нетрудно заметить, что сегодня мы сами выполняем те действия, которые ранее делали для нас специально созданные для этого — рынком или государством — большие институты: машинописные бюро, телефонные станции, почтовые службы, фотолаборатории, копировальные центры и т. д.

Если мы посмотрим на другой важный показатель модерна — промышленное производство, то наши достижения здесь не столь впечатляющи, однако вполне сносны. Устойчивый рост на несколько процентов в год — неплохой показатель для полупериферийной страны, да еще в наши беспокойные кризисные времена.

В России опасение внушает, пожалуй, только один из традиционных показателей модернизации и рационализации — размер бюрократии. Правда, за последнее десятилетие число чиновников в России даже сократилось: по данным Росстата на январь — сентябрь 2012 года, федеральных чиновников у нас 38 тыс. человек, 733,4 тыс. — муниципальных и региональных (это без учета силовых структур), тогда как на 2001 год число чиновников составляло 1,14 млн⁴. Да и в расчете на одного гражданина Россия по показателю бюрократизации не достигла уровня СССР, где в середине 1980-х аппарат управления насчитывал около 2—2,4 млн человек. Однако от развитых стран по уровню бюрократизации Россия традиционно отстает, от некоторых (например, Швеции) — на порядок⁵. Иными словами, главный провал модернизации в России связан с уровнем бюрократизации: Россия была и остается «недоуправляемой» страной. Недостаточная бюрократизация (рутинная рациональная регламентация) российского общества имеет множество следствий — явных и неявных. Одно из наиболее явных — брожение политического волюнтаризма, то есть, попросту, политического в государственной системе, которое не так давно нашло свое выражение в подозрении, что выборы были нечестными, проводились не по правилам, а под политическим давлением. Требование честности — это ведь требование честного подсчета и соблюдения формальных правил — не более того. Частично проблема решается технологически — с помощью все того же Интернета и веб-камер, но, очевидно, ничто не может компенсировать отсутствие достаточной плотности бюрократии и подозрение в наличии политического там, где должно быть только бюрократическое⁶.

Отсутствие реальной рационально-бюрократической плотности, впрочем, в избытке компенсируется в России символическими атрибутами модерна. Например, пристрастие управленцев всех типов корпораций к точным (то есть — на языке символов, а не реальных характеристик — максимально дорогим) часам. Ведь часы — один из важнейших символов модерна. Главное отличие традиционного человека от человека модерна заключается в том, что спонтанная природная регуляция жизни первого заменяется объективированными алгоритмами коор-

⁴ Данные о численности чиновников на начало 2000-х гг. см.: Ковальчук А. Численность и социальный облик российской бюрократии // Отечественные записки. 2004. № 2.

⁵ Там же.

⁶ В терминах теории бюрократии Вебера (см.: Вебер М. К политической критике чиновничества и партийной жизни // М. Вебер. Политические работы. М: Праксис, 2003. С. 107—299.) этот тезис можно разъяснить следующим образом: небольшой бюрократический аппарат не позволяет в полной мере дифференцироваться двум принципиальным категориям бюрократов — несменяемых «карьерных» (или профессиональных) и «политических», т. е. временно получающих свой пост не в силу выполнения профессиональных функций, а, например, через выборы (или, как в нашем случае, через назначение выбранными лицами). В итоге такой бюрократический аппарат лишается своего инвариантного основания в виде профессиональных чиновников, само существование которых основано исключительно на соблюдении правил, и приобретает сквозной политический, то есть подверженный манипуляции, характер. Поэтому в существующей российской системе правления популистские инициативы по сокращению бюрократического аппарата (в 2010 г. Д. А. Медведев поручал правительству рассмотреть возможность сокращения числа чиновников на 20 %) следует рассматривать прежде всего как меры по укреплению «вертикали власти». О кардинальном значении сокращения бюрократических аппаратов в современном мире см. последнюю работу Ричарда Сеннета: Sennett R. The Culture of the New Capitalism. New Haven & London: Yale University Press, 2006.

динации действий вторых, нуждающимися в точных средствах измерения и фиксации времени. Поэтому демонстрация часов — это очень убедительный символ приверженности модернизационному курсу, сохраняющемуся несмотря на смены лиц и положений.

К главным индикаторам модернизации следовало бы добавить еще степень демократизации общества. Но для наших целей нет необходимости углубляться в столь дискуссионную тему, тем более что она далека от первичных дискурсивных рефлексов, которые мы с ней обычно связываем. Демократия — это призна-

№ 1 2013

ние онтологического равенства людей путем приписывания им некоторого универсального неотъемлемого качества, несмотря на очевидные различия в статусе, дарованиях и проч. Ограничусь только одним замечанием. На мой взгляд, главный производитель антидемократизма в России — это не плохие парни у власти, а интеллигенция и то, что от нее осталось. Достаточно посмотреть фильм «Кококо» Авдотьи Смирновой, чтобы убедиться в устойчивости разного рода антидемократических клише в этой среде. В том, что этот антидемократизм затем находит себе выражение в российском «начальстве» (например, в раздражающих мигалках), также нет ничего удивительного. На самом излете более-менее свободной дискуссии об интеллигенции в России в конце 1920-х годов Михаил Рейснер писал:

«Наша русская практика приучила нас к противопоставлению понятия интеллигента понятию бюрократа... против этого мы решительно возражаем... бюрократия является только одним из видов интеллигенции вообще»⁷. Вскоре после этого всякая дискуссия о природе российской интеллигенции была прекращена — ввиду ее крамольности для официальной доктрины и неприятности для обеих названных Рейснером сторон⁸.

До этого я использовал понятия «модернизация» и «рационализация» как синонимы — действительно, классическая социальная теория их, как правило, отождествляет. Однако теперь нам необходимо их различить. В данном контексте можно сразу вынести за скобки понятие рационализма в том смысле, в каком оно традиционно используется в истории новоевропейской философии, как особая процедура обоснования (научного) знания. В социально-теоретическом аспекте под рационализацией можно понимать — в самом абстрактном варианте — замену спонтанных процессов рационально-контролируемыми алгоритмами достижения поставленных целей. Наиболее почтенная метафора разума — это свет («просвещение»), и она также работает, если мы пытаемся подыскать какой-то общий образ рационализации: непроницаемое и темное обретает ясную и отчетливую структуру, поставленную под контроль разума («идея-в-себе-и-для-себя» Гегеля, или «дух»). Непосредственным образом рационализация воплощена в технике, продукты которой колонизируют все значительные сегменты человеческой экзистенции (включая когнитивный и эмоциональный мир человека), начиная с контрацепции и заканчивая мерами безопасности. Сюда относятся также формализация — рост бюрократии и умножение формальных правил регулирования взаимодействия (право) разного рода субъектов и, наконец, позволяющие максимизировать скорость взаимодействия универсализация и генерализация — универсальные денежные единицы и демократическое равенство здесь просто разные стороны одного и того же явления. Эта колонизация, как отметил уже Макс Вебер, должна проявляться также в «расколдовании мира», иными словами, в секуляризации, предпочтении посюсторонности во взгляде на мир и формировании специфической, основанной на калькуляции средств, структуры целесообразного действия.

Несмотря на то что почти все перечисленные тенденции (за исключением бюрократизации) присутствуют в нашей повседневности, мы наблюдаем постоянные, массовые и активные проявления иррационализма, которые фиксируются как во множестве сегментов жизненного мира, так и в больших структурных образованиях (например, в политико-конституционной модели послереволюционного Египта). Общий тезис, призванный объяснить это явление, который получил широкую поддержку в России в постсоветский период, сводится к утверждению о конце модерна, включая, прежде всего, его рациональную составляющую. Возвращаться к обсуждению этого тезиса, критиковавшегося так часто в последние десятилетия, не имеет смысла. Более конструктивным объяснением будет такая теория модернизации, которая включает в себя также нерациональные реакции, такие, например, как востребованность различных форм десекуляризации и обращение к суррогатным средствам ориентации в мире, от персональных гороскопов до упрощенных политических схем, далеких от реальности. Убедительной мне представляется теория модернизации, включающая в себя концепцию компен-

№ 1

2013

⁷ Рейснер М. Интеллигенция как предмет изучения в плане научной работы // Печать и революция. 1929. № 1.

⁸ См.: Кустерев А. Советская Россия: самоопределяющие практики советской интеллигенции // История и теория интеллигенции и интеллектуалов. (Мыслящая Россия.) Под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 54—71.

саторных иррациональных реакций. В специальном историко-культурном смысле теория компенсации была сформулирована в послевоенной Германии рядом философов, принадлежащих к кругу Иоахима Риттера, прежде всего Германом Люббе и Одо Марквардом⁹. В политическом аспекте эта теория может быть расширена за счет теории антидемократических реакций на «демократизацию духа», сформулированной Карлом Манхеймом¹⁰.

Концепция компенсаторных реакций, однако, окажется фактически набором общих мест для всякого, кто более или менее знаком с исторической динамикой формирования европейского общества модерна XVIII—XIX веков и согласен с утверждением, что модерн — это такая система смысловых установок, которая включает в себя два элемента: рационализм Просвещения и контр-Просвещение. Собственно совокупность проявлений второго элемента и можно условно назвать «иррационализмом», определив последний через отрицание некоторых базовых составляющих рационализма Просвещения, а именно: веры в универсальный (и внеисторический) разум — и индивида и общества, — который в любом случае найдет путь истины, если только предоставит ему свободу; представление о совпадении научно-технологического и морального прогресса (прогресс научного знания есть одновременно и политический прогресс), одним из следствий чего будет как раз секуляризация индивидуального и общественного сознания; уверенность в том, что всеобщее распространение образования покончит с иррациональными представлениями и даст простор для ничем не сдерживаемой рационализации всех сторон человеческого существования; наконец, специфическое представление о знании, которое рассматривается как однозначно кумулятивное, а также, в конечном счете, поддающееся простой рациональной кодификации — в рамках «энциклопедии» либо «системы» («большого нарратива», как выражались теоретики постмодернизма). Рассмотрим некоторые смысловые структуры современности, порождающие потребность в «иррациональном» в указанных контр-просвещенческих рамках.

№ 1 2013

⁹ В частности, см.: *Lübbe H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie.* Basel-Stuttgart, 1977; *Marquard O. Über die Unvermeidlichkeit der Geisteswissenschaften // O. Marquard. Apologie des Zufälligen.* Philosophische Studien. Stuttgart, 1986. S. 98—116. Анализ критических возражений против теории компенсации см.: *Lübbe H. Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart.* 3. Aufl. Springer, 2003. S. 281—304.

Люббе и Марквард, опирающиеся на первоначальную интуицию Риттера, развили эту теорию прежде всего в академическом аспекте — как концепцию компенсаторной функции «исторических наук о культуре». При этом теория допускает множество импликаций — тот же Люббе подчеркивает, что понятие компенсации позволяет вскрыть «колоссальное множество явлений» современной культуры. В порядке краткого систематического комментария к предпринятому мной здесь расширению теории компенсации замечу, что немецкие философы разрабатывали ее в русле первоначального противопоставления исторически-индифферентных элементов модерна и исторически укорененных элементов культуры (прежде всего — культуры местной, локальной). Собственно исторические нарративы наук о культуре позволяют компенсировать индифферентное к локальному культурно-историческому контексту тиражирование элементов модерна, отвечая потребности в ориентации человека в этой новой ситуации. Исторические науки о культуре являются рациональным (хотя и историзированным, пост-Просвещенческим) способом подобной ориентации. В России же тяга к иррациональным моделям ориентации, весьма далеким от рациональных нарративов исторических наук о культуре, усугубляется двумя ключевыми факторами. Во-первых, отсутствием согласованного представления об историческом происхождении культуры (*Herkunft*): собственная история на всех ее этапах остается в России пространством идеологического раскола. Во-вторых, гуманитарное знание в России остается необычайно слабым как по существу, так и в своем популярном изводе, что делает его фактически неконкурентоспособным на рынках смысловой ориентации в современном мире. Эта тема, впрочем, заслуживает отдельного подробного рассмотрения.

¹⁰ См.: *Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры.* Ч. I. М.: ИНИОН РАН, 1993.

Базовая особенность модерна — то, что Герман Люббе назвал «сокращение пребывания в настоящем»¹¹. Технологическая и социальная динамика современного общества такова, что прошлое все быстрее становится прошлым, а горизонт прогнозируемого будущего становится все ближе. Это обстоятельство имеет множество культурных следствий (в частности, появление историцистского сознания и особая чувствительность к историческим переменам). И оно же порождает спрос на способы ориентации в мире, обладающие определенной устойчивостью к рационально-научным, но слишком изменчивым и подвижным средствам ориентации, отличительной особенностью которых является, кроме того, их негуманитарный («естественно-научный») характер. Рациональный способ ориентации отличается не только высокой динамичностью, но и эзотерической (экспертной) комплексностью, недоступной даже просвещенному населению. Таким образом, в частности, возникает спрос на то, что «проверено временем» — на классику в области культуры, на нарратив исторических наук о культуре, а также — в особенности при дефиците последних — на иррациональные, но освященные временем схемы ориентации в мире, и прежде всего — на различные облегченные формы религиозности. Религия сегодня, заметил Питер Бергер¹², не может сформировать общий убедительный «универсум существования»¹³, поэтому сама практика религиозности приобретает весьма фрагментированный характер, вплоть до — как мы можем выразиться — поверхностной магической суеверности¹⁴ (тогда как религиозные организации, напротив, становятся все более рациональными учреждениями в части управления и поддержания своего существования¹⁵). Обращение к традиционной по своим историческим корням религиозности как способа ориентации в мире связано также с тем, что традиционная мораль противостоит тем масштабным и по форме рациональным концепциям, которыми руководствовались в своей практике античеловеческие режимы XX века (коммунизм и расовая теория считались научными доктринами). Поэтому в плане практической философии выбор в пользу традиционной религиозности имеет под собой веские основания, тем более что только здесь поддерживаются такие размечающие жизнь человека ритуалы, которые, по крайней мере, не вызывают неловкого ощущения безвкусного новодела.

Этот рынок способов символической ориентации подчинен во многом тем же правилам, что и другие современные рынки, где, как мы знаем, существует спрос на «аутентичность». На данном рынке признаком ее является «древность». В итоге возникает целый сегмент соответствующих интеллектуальных продуктов, которые формируют массовый спрос, например, на неоязычество, а с претензией на экзотичность — на разного рода эзотерику и «традицию», включая восточные специи и линейку продуктов, простирающуюся от Блаватской до Дугина.

¹¹ Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94—113.

¹² Бергер П. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. 2003. № 6 (32).

¹³ Такой убедительности, добавим, не имеют и субституты религиозной картины мира вроде «мировоззрения» — популярного в XIX веке проекта.

¹⁴ Таких, например, простейших ритуалов суеверно-магического свойства, как освящение автомобиля.

¹⁵ О необходимости по-новому строить работу церкви с потенциальными клиентами регулярно говорит руководство РПЦ. Ср.: «Через храм Христа Спасителя в Москве ежедневно проходит, по моим подсчетам, более тысячи человек. Я спросил наших московских клириков, сколько из этих людей стали прихожанами, и мне никто не смог ответить на этот вопрос, потому что никто с ними не работает, — разве что в свечном ящике, где с них деньги получают. Но ведь это же люди, которые пришли в храм!» (Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на епархиальном собрании Калининградской епархии 13 октября 2011 г. (http://sergiy.prihod.ru/slovo_patriarkha_razdel/view/id/26630))

Другая важная особенность модерна — рост рациональности организованной деятельности, то есть — организаций. Однако этот прогресс имеет оборотную сторону — редукцию комплексности индивида. Иными словами, чем «умнее» организация, тем зачастую «глупее» должна быть основная масса ее членов. Воспользуюсь здесь примером Стива Фуллера: университет — организация довольно «глупая», но его функционирование возможно, если его членам предъявляются высокие требования. Напротив, «Макдоналдс» — организация очень умная с соответственно весьма низкими требованиями к уровню рядового персонала. Примерно то же мы наблюдаем, кстати, и в науке. Например, провести качественное

№ 1 2013

социологическое или культурно-антропологическое исследование может только высококвалифицированный специалист, который собственной персоной и является здесь главным инструментом исследования. Напротив, сложные, требующие значительных организационных усилий количественные исследования не предполагают наличия у сотрудников особых аналитических талантов, от них требуется лишь следование простым алгоритмам. Если перенести этот тезис на общество в целом, что, конечно будет некоторой гиперболизацией, то можно сказать: чем более рациональной становится организация общества, тем более иррациональными в своей массе становятся его члены. В том смысле, что возрастающая комплексность организованной деятельности делает невозможным для индивида составить адекватную картину ее функционирования, что и порождает потребность в разного рода суррогатных образах. Дело может доходить и до прямых требований ликвидации сложно организованного общества, расформирования корпораций и возврата к идеалам прямой демократии — именно эта романтическая модель вдохновляла, например, участников кампании «Захвати Уолл-стрит» в 2011 году.

Следующая важная структурная особенность модерна — высокий уровень неопределенности и утрата людьми чувства онтологической полноты существования. Современный человек включен в сложно-структурированные системы взаимодействия, выполняя множество различных социальных ролей. Однако ни одна из них не захватывает его полностью, что выливается в перманентный кризис пер-

сональной идентичности. В итоге возникает большое искушение преодолеть его разом, выбрав иррациональную, но от этого не теряющую своей эмоциональной насыщенности партициптивную, то есть включающую, идентичность¹⁶. Она может иметь как религиозный, так и национально-этнический характер. Поэтому в современном мире мы не видим снижения спроса на национализм, напротив, во все более рационализирующейся системе модерна спрос на него только растет.

Стремлением справиться с неопределенностью и рациональной сложностью коммуникативной структуры современности объясняется также устойчивый компенсаторный спрос на порядок, а в политическом плане — на диктатуру. Это искушение широко проникло также в современную философию и политическую теорию в разных формах децизионизма — в том смысле, в каком Хельмут Плеснер назвал Маркса, Кьеркегора и Ницше «разрушителями философии», капитулировавшими перед политикой¹⁷ (сегодня мы, конечно, добавим к этому перечню и Карла Шмитта). Такой тип иррационализма может приобретать как правые, так и левые политические формы. Потребность в нем связана со стремлением избавиться от сложных форм коммуникативного участия (например, парламентской коммуникации) как бесперспективных и редуцировать комплексность реальности до простого «или — или». Если реалистическая политика требует трудного осознания собственных интересов и целей, а также выстраивания сложной системы средств их реализации, то революция — с какой бы стороны она ни приходила — обещает все и сразу.

Особая тема — иррационализация самих носителей знания, попросту — невежество ученых. Современная организованная наука предполагает разделение труда, специализация — условие включения в ее деятельность. Однако это оборачивается тем, что любой выход за пределы своего ограниченного эзотерического сегмента часто оборачивается трансляцией очень узких мыслительных схем. Хорошим тоном, например, считается утверждение, что сегодня нет философии или что она пребывает в плачевном состоянии. Проблема здесь все та же — скорость изменений и комплексность самой системы знания заставляет современных людей прибегать к подручным схемам ориентации в действительности. Нарастание комплексности нашего знания о мире имеет социальные следствия, например,

¹⁶ Можно выделить две основные стратегии выстраивания персональной идентичности в современном обществе: биографическую и партициптивную. Первая выстраивается через соотнесение индивида с самим собой посредством сложных практик автобиографического, психотерапевтического нарратива и т. д. — вплоть до таких современных инструментов, как Timeline в профиле «Фейсбука». Партициптивная идентичность, напротив, строится через соотнесение себя с тем, что является у индивида общим с другими людьми (эта инклюзивная идентичность обязательно предполагает также эксклюзивную идентичность (я еврей, а не русский, женщина, а не мужчина и т. д.)). Партициптивная идентичность, в свою очередь, имеет две различные формы — функциональную и сегментивную. Функциональная идентичность совпадает с системой социальных ролей (журналист, покупатель и т. д.), а сегментивная строится на противопоставлении, прежде всего «своего — несвоего», «здешнего — нездешнего». Здесь мы имеем в виду именно сегментивную партициптивную идентичность. Подробнее см. прежде всего работы Алоиза Хана: *Willems H., Hahn A. Modernisierung, soziale Differenzierung und Identitätsbildung* // H. Willems, A. Hahn. (Hg.) *Identität und Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999. S. 17–18; *Hahn A. Konstruktionen des Selbst, der Welt und der Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000; *Hahn A. Identität und Selbstthematization* // A. Hahn, K. Volker. (Hg.) *Selbstthematization und Selbsterzeugung: Bekenntnis und Geständnis*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. S. 9–24. Понятие «партициптивная идентичность» во многом сходно с понятием «социальная идентичность» И. Гофмана. Ср. также различие Я- и Мы-идентичности у Н. Элиаса: *Элиас Н. Общество индивидов*. М.: Праксис, 2001. С. 215 и далее.

¹⁷ *Plessner H. Die verspätete Nation: Über die politische Verführbarkeit bürgerlichen Geistes*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 165 ff.

в виде эффектов «общества риска», описанных Ульрихом Беком¹⁸. В самой системе знания оно также порождает специфические реакции, к числу которых можно отнести и тезис теоретиков «постмодерна» о конце «больших нарративов» — то есть связанных рациональных повествований о действительности.

Из сказанного, мне кажется, легко сделать следующий вывод, который, впрочем, нельзя назвать слишком оригинальным. Иррациональность так же органична для модерна, как и рациональность, исторически восходящая к идеям Просвещения. Собственно модерн и представляет собой пространство взаимодействия этих двух разнонаправленных представлений о мире, которые только в его рамках и можно рассматривать как нечто самостоятельное и определенное. Их сосуществование и состязание, их взаимный баланс определяют всю структуру модерна, и «победа» одного из них равносильна концу современности. Приверженцы проекта модерна должны отдавать себе отчет в хрупкости этого баланса и его процессуальном характере. Неизбежность иррационального¹⁹ в рамках модерна никоим образом не означает, что рациональность зашла в тупик, потерпела поражение, а проект модерна завершился. Чем оборачивается победа антимодернизма, известно: сон разума порождает чудовищ. Но это не означает, что люди должны обходиться без сна. Важно лишь вовремя просыпаться.

¹⁸ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. Бек определяет риск как совокупность угроз и опасностей, производимых модернизацией как таковой, что производит особые формы неуверенности и страха. Эти модернизационные риски являются, как правило, ненаблюдаемыми — о них мы знаем только благодаря научному и экспертному знанию: «В процессе модернизации все больше и больше высвобождаются такие деструктивные силы, которые просто недоступны человеческому воображению». Общество риска наделяет ученых и экспертов особым статусом главных производителей рисков, наличие которых оказывает существенное воздействие как на политику, так и на модификацию социальной структуры общества. В нашем случае, однако, интереснее обратить внимание на эффекты общества риска в сфере массовой культуры, где разворачивается собственная огромная индустрия рисков, порождающая, в частности, самые фантастические формы заботы о «здоровом образе жизни» на фоне «неблагоприятной экологии» и т. д.

¹⁹ Сказанное, конечно, не означает, что мы можем благодушно относиться, например, к специфически российским формам запроса на иррациональное. Одно дело, когда последствия модернизации компенсируются «историческими науками о культуре», другое дело, когда они компенсируются фантастическим разгулом суеверий. Специфика нашей исторической ситуации заключается в том, что в нашей культуре иррациональная реакция на модерн приобрела гротескные формы — российское общество не только несет бремя модерна, но еще и необычайное разочарование в его советском и постсоветском варианте, что делает нашу ситуацию в целом крайне драматичной. Восстановление минимальной рациональности, в том числе антимодернизационных реакций, является здесь настоящей задачей.